

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Исповедь женщины

Роман в 3х частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Исповедь женщины: Роман в 3х частях / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 254 с.

ISBN 978-5-519-99099-8

ISBN 978-5-519-99099-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Т Ъ А В Т О Р А .

Ни одинъ изъ городовъ, гдѣ я живалъ, не падоѣдаетъ такъ, какъ Миланъ. Зимой мерзнешь въ его холодныхъ туманахъ на улицахъ и въ нетопленныхъ комнатахъ дома. Лѣтомъ задыхаешься на пыльных площадяхъ среди зноя, едва ли понятнаго сѣверянамъ, — зноя, въ который до вечера ходишь въ какомъ-то полуобморочномъ состояніи.

Разъ, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ дней, когда, наконецъ, мнѣ стало невыносимо, я сѣлъ въ трамвай, отправлявшійся въ Монцу, и уѣхалъ, желая отдышаться воздухомъ полей, окружающихъ Ломбардскую столицу. Не могу выразить, какъ здѣсь послѣ миланскаго пекла было пріятно! Легкому вѣтерку открывался полный доступъ въ открытыя по обѣ стороны двери и окна. Прохлада вмѣстѣ съ густою волной полевыхъ благоуханій свободно лилась сюда. Со мною были недочитанныя русскія газеты. Я развернулъ одну изъ нихъ и сталъ разсѣянно пробѣгать ее, когда совершенно инстинктивно почувствовалъ на себѣ взглядъ сидѣвшей противъ меня дамы. Садясь, я вскользь замѣтилъ большіе черные глаза, блѣдное лицо съ яркими пятнами чахоточнаго румянца и не обращалъ больше на нее вниманія, пока мнѣ не показалось, точно она хочетъ спросить меня. Я взглянулъ.

на нее и опустил газету. Дамз, очевидно, смѣшалась, но потомъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, совершенно чисто заговорила по-русски:

— Извините, пожалуйста. Я такъ давно изъ Россіи и вотъ уже пять лѣтъ, какъ не слышу родного слова.

— Сдѣлайте одолженіе. Я радъ вамъ быть полезнымъ сколько могу... Вы, вѣрно, хотѣли просмотрѣть газеты?

— Да. Право мнѣ такъ совѣстно. Это похоже на навязчивость и во всякомъ случаѣ...

— Пожалуйста, не оправдывайтесь. Мнѣ самому случалось по году не имѣть никакихъ извѣстій изъ Россіи, и я помню, съ какой жадностью бросался я не только на свѣжіе, а даже и на старые нумера. Если вамъ угодно, я вамъ пришлю изъ Милана все, что у меня есть, мѣсяца за три, за четыре.

— Мнѣ неловко стѣснять васъ. Но я была бы вамъ очень, очень благодарна.

— Куда прикажете послать?

— Я живу въ Монцѣ.

— Давно?

— Меня три года тому назадъ доктора приговорили къ смерти, но я вотъ, какъ видите, дышу еще, обманываю ихъ, хотя, вѣрно, теперѣ уже недолго... — И она печально улыбнулась.

— Ну, знаете, — заставилъ и я себя улыбнуться, — господа врачи въ этомъ отношеніи очень часто ошибаются. Судя по вашему виду...

— Ужъ объ видѣ-то не говорите. Тутъ я чувствую, — положила она руку на грудь, — почти уже дышать нечѣмъ. Не правда ли, какъ хорошо кругомъ? — поспѣшила она перемѣнить разговоръ. — Посмотрите,

какая полнота жизни во всемъ, какое обиліе формъ, красокъ. И вѣдь поставьте вотъ ту деревушку подъ наше сѣрое небо, ничего бы не вышло. А тутъ...

Я невольно засмотрѣлся. Дѣйствительно хорошо было. Бѣлыя стѣны чуть-чуть приподымались изъ-за зелени полей, да и то на мгновеніе, потому что тотчасъ же ихъ заслоняли большія деревья. Тонкія и высокія колоколенки мелькали по сторонамъ. Разъ даже выросъ передъ нами величественный готическій храмъ съ красивой розеткой и мраморнымъ кружевомъ, висѣвшимъ внизъ съ галлерейки надъ входомъ, обставленнымъ тоненькими витыми колонками, развѣтвлявшимися вверху въ изящные своды. Смутно примерещились старинные барельефы, кроткая мраморная Мадонна съ божественнымъ Младенцемъ на колѣняхъ, и скоро строгій фасадъ собора отошелъ назадъ; взглянувъ въ окно, я уже увидѣлъ его торжественный профиль съ недостроенной башней. И опять вдали эти голубыя съ серебряной парчей своихъ ледниковъ горы, это теплое южное небо, эти изумрудныя, напоенныя зноемъ поля.

— Да, здѣсь хорошо. Что вамъ за охота была выбрать Монцу?

— Я искала такого города, гдѣ бы была и деревня и всѣ удобства подъ руками. А вы живете въ Миланѣ?

Да, имѣю это несчастье.

Вы, вѣрно, учитесь пѣть или вы уже артистъ? — незамѣтно улыбнулась она, что, разумѣется, отъ меня не ускользнуло.

— Неужели похожъ? — пришелъ я въ нѣкоторый ужасъ. — Помилуйте, да что касается пѣнія — такого козла, какъ меня, и найти невозможно. Нѣтъ, я такъ живу, сначала у меня дѣло было, а потомъ

я, по русской привычкѣ, застрялъ, да и корни пустилъ. Одно могу сказать, надоѣлъ мнѣ Миланъ до такой степени, что я не знаю, куда бы я только отъ него не бѣжалъ. Вотъ, если Монца понравится, переѣду недѣли на двѣ въ Монцу.

— Я прежде часто бывала въ Миланѣ, у меня даже былъ знакомый кружокъ русскихъ артистовъ, да тоже наскучили они.

— Какъ и мнѣ.

— Ужъ слишкомъ люди, какъ это говорятъ нынче, специализировались. Только и разговору, что о ля-бемоляхъ да фа-діэзахъ; тотъ можетъ взять *до*, а этотъ *си*, а третій въ отчаяніи,—у него средній регистръ сталъ колебаться. Ахъ, какіе скучные люди! Шляются безъ-толку, мѣняютъ профессоровъ, воображая, что въ концѣ-концовъ найдутъ такого кудесника, который имъ въ горло всѣ три регистра вложитъ и изъ ничего Патти или Мазини сдѣлаетъ. И вѣдь ничѣмъ не интересуются. Жизнь идетъ мимо, событія одно крупнѣе другого, а они даже и не выходятъ изъ очарованнаго круга ля-бемолей да фа-діэзовъ. Вѣдь какъ смѣшно! Была тамъ одна парочка: моя кузина и влюбленный въ нее теноръ. И жепились бы, говорю имъ. «Нельзя!» Это оба—въ одинъ голосъ. Почему? Средства вѣдь у васъ есть? Дѣло не въ средствахъ, отвѣчаютъ, а въ томъ, что я потеряю до-діэзъ, а у нея *mi naturale* пропадетъ. Какъ же это она «Саго поме» въ «Риголетто» заканчивать будетъ? А я какъ послѣдній дуэтъ въ «Пуританахъ» выдержу? Вѣдь тамъ, пожалуй, и *ре* надо взять.

Я расхохотался.

— И не живутъ, пока жизнь ключомъ въ жилахъ бьетъ. Да, впрочемъ, и жизнь-то какая,—что въ ней?

И прежнѣе грустное выраженіе опять вернулось на ея лицо. Она сдвинула брови и на минуту задумалась. Ей было не болѣе двадцати восьми лѣтъ, а между тѣмъ уже сѣдые волосы пробивались въ вискахъ. Очевидно, жизнь не ласкала ее.

«Сесто» мелькнуло мимо; подъ самымъ посомъ у нашей конки проскочилъ желѣзнодорожный поѣздъ, на минуту окутавъ насъ отвратительнымъ и вонючимъ дымомъ, сквозь который мы смутно различили сонныя лица измороженныхъ жарою пассажировъ, валявшихся на подушкахъ вагоновъ перваго класса.

— А вы такъ мнѣ и не дали адреса, куда я долженъ буду послать газеты и журналы.

— Ахъ, сейчасъ! У васъ есть съ собою карандашъ? Благодарю васъ.

Она написала нѣсколько словъ на своей карточкѣ. Я прочелъ:

Anna Kropotoff.

Monza, via Beretta, Albergo del Re, 147.

— О, это, вѣрно, большая гостиница, гдѣ вы стоите? Я тоже призадумывался, гдѣ мнѣ остановиться.

— Почему вы думаете? — засмѣялась она.

Очень странна была ея улыбка. Губы улыбались, а глаза смотрѣли попрежнему печально, не мѣняя своего выраженія.

— Какъ же, сто сорокъ седьмой номеръ?

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не думайте этого. Гостиница самая крошечная и чисто итальянская. Тамъ всего девять комнатъ; но онѣ для пущей важности начинаются съ номера сто сорокъ второго. Это изъ самыхъ дешевыхъ «albergo», какія я только могла пайти. Вы

знаете, что я плачу? Пять франковъ за все. Тутъ и комната, и прислуга, и завтракъ, и обѣдъ, и даже освѣщеніе.

— Послушайте... да это чудесно. Я непременно переѣду.

— Если вы хорошо говорите по-итальянски, съ васъ возьмутъ то же. Какъ вы владѣете языкомъ?

Così-così (такъ себѣ).

— Ну, если «così-così», такъ заплатите шесть. При чемъ обманувшій васъ на одинъ франкъ хозяинъ самъ себя будетъ считать величайшимъ разбойникомъ и плутомъ. Скучно только немножко у насъ. Почти никого никогда нѣтъ. Правда, недавно стояли итальянскіе артисты. Даже изъ знаменитостей.

— Вотъ тебѣ и на. Изъ знаменитостей въ такомъ отелѣ?

— О, когда не поютъ, они очень экономны. Въ чашкѣ кофе себѣ откажутъ, а внизъ ѣсть завтракъ цѣной въ одну лиру являются въ брильянтахъ. Это по утрамъ. На женщинахъ серьги, брошки, вся ювелирная выставка, на мужчинахъ — перстни, браслеты. Противно. И притомъ всѣ они какіе-то лакированные. Смотрятъ на васъ такъ, какъ будто они васъ этимъ осчастливливаютъ. Ну, вотъ мы и пріѣхали.

Направо и налево тянулись высокіе дома Монцы; вдали изъ-за нихъ едва-едва я видѣлъ какіе-то дивные куполы и колокольни, чудно рисовавшіеся на темномъ синемъ небѣ.

— Такъ вы не забудьте вашего обѣщанія!—поднялась моя спутница, подавая знакъ кондуктору остановиться конку.

— О, нѣтъ! Завтра же вы получите.

— Не знаю какъ и благодарить васъ.

И, не подавая руки, она поклонилась и вышла. Стройная фигура ея еще разъ мелькнула вдали, когда «трамъ» въѣхалъ на средневѣковую узкую улицу и сталъ. Я вышелъ, болтая со своими спутниками.

Странное впечатлѣніе оставила во мнѣ моя новая знакомая.

«Что за типъ?» думалъ я, вслушиваясь на память въ ея печальный голосъ. Ея манера говорить, мысли, которыя она облекала часто въ изящную форму, заставляли думать, что на сей разъ судьба меня натолкнула на далеко недюжинную личность. Я любовался ея движеніями и приемами. Свое, болѣе чѣмъ скромное, черное платье она носила съ такимъ достоинствомъ, самая печаль этихъ черныхъ южныхъ глазъ такъ шла къ ней! Рядомъ съ этимъ — то и дѣло вскользь мысль о смерти... Точно тоскливая тема, проникавшая всю музыкальную пьесу.

Устала жить или жизнь разбита?

Когда же было устать? Еще и тридцати лѣтъ нѣтъ?

Я оставался довольно долго въ Монцѣ, ходя по ея улицамъ и любясь на остатки далекаго прошлаго, какъ вдругъ на одномъ поворотѣ столкнулся съ Кропотовой.

— Неожиданность! И очень пріятная! — проговорилъ я.

Не думаю, — улыбнулась она.

Почему?

— Я скучная. Да и оторвалась какъ-то отъ всего. Главное — отъ всего русскаго.

— Вы говорите, что давно не слышали русскаго слова. Но вы вѣдь читаете русскія книги?

— Нѣтъ. Первое время я покупала лейпцигскія изданія, просмотрѣла все, теперь и этого не достать.

— Но зато переписываетесь съ родными? — какъ будто безъ всякаго намѣренія уронилъ я.

Она вздрогнула, повела на меня взглядомъ пристальнымъ и въ то же время тревожнымъ. Я понялъ, что дотронулся до больного мѣста.

— Родныхъ у меня нѣтъ, я совсѣмъ одна. Никого позади и никого рядомъ. Пустота кругомъ такая.

— Отчего же вы не вернетесь домой? Впрочемъ, виновать, можетъ-быть, вы...

— Эмигрантка? О, нѣтъ! — прервала она меня. — Такъ закисло, по русскому обычаю. Жаль оставить Италию, приросла къ ней сердцемъ, — шутила она. — Вотъ вамъ новый литературный типъ, разгадайте-ка, чего дурить барыня?

— И разгадывать не стану, сама скажетъ, если захочетъ.

— А вы, значитъ, привыкли, — какъ это въ Петербургѣ и Москвѣ дѣлается. Чуть скучающая дама увидитъ писателя, сейчасъ же первымъ дѣломъ глаза закатить, а потомъ: «Ахъ, если бы вы знали... Моя жизнь — это такой романъ!» Случалось вамъ, вѣрно, не разъ слышать это.

— Бывало, — засмѣялся я. — И все-то романы въ томъ и заключаются вѣдь, что скучающая супруга наградитъ своего толстаго мужа рогами и считаетъ себя необыкновенно интересной особой.

— А еще чаще, что и рога она поставила только въ воображеніи. Вы думаете нѣтъ такихъ? А потомъ рассказываетъ. Я слышала, что разговаривать о грѣхахъ даже пріятнѣе, чѣмъ дѣлать ихъ.

«Нѣтъ, не это!» откинулъ я ужъ было слагавшуюся у меня идею «разбитой жизни».

Настоящіе романы, — романы дѣйствительности не такіе. Они на-смерть быють. А если и уцѣлѣешь, такъ останешься искалѣченнымъ! Да какъ еще! Какъ надорванный: каждое дыханіе съ болью да съ натугой.

Я не показалъ вида, что придаю какое-нибудь значеніе ея словамъ, хотя красныя пятна на ея щекахъ разгорѣлись, а вокругъ рта легла глубокая синія полоса. Она закашлялась и поднесла къ губамъ платокъ, на которомъ осталась кровь. И кашляла она трудно: на шеѣ жилы точно синіе шнуры проступили, грудь колыхалась вся.

— Вы вѣрите въ безвыходныя положенія? — спросила она.

— Нѣтъ. По чистой совѣсти скажу вамъ, такихъ положеній не знаю. Намъ сегодня они кажутся безвыходными, потому что, отуманенные или горемъ или страстью, мы недостаточно ясно видимъ передъ собою. А завтра можетъ принести съ собою спасеніе.

— Какой вы счастливый человѣкъ! — уже съ нѣкоторою завистью проговорила она.

— Вотъ тебѣ и на! Какъ это счастливый?

— Такъ! Значитъ, у васъ никогда еще настоящаго горя не было... Да что это, въ самомъ дѣлѣ, я завела такой похоронный разговоръ...

— Не всегда же вы такая. На-дняхъ я, можетъ-быть, увижу васъ иною.

— Развѣ вы рѣшительно хотите сюда пріѣхать?

— Да. Монца мнѣ очень правится. Зелень, прохлада, сады! Этотъ граціозный Ламбро подъ мраморными мостами. Послѣ Милана вѣдь чистый праздникъ подышать здѣсь не отравленнымъ, а почти деревенскимъ воздухомъ.

— Надѣюсь, что вы не у насъ остановитесь?

— Именно, въ знаменитомъ Albergo del Re, считающемъ свои номера съ номера сто сорокъ второго.

— Напрасно, тамъ все такъ убого, такъ жалко! Голыя стѣны, каменные полы.

— Зато дешево. И притомъ, вы сами говорили, много солнца.

— И таракановъ.

Еще однимъ воспоминаніемъ о родинѣ больше.

— А другое какое же? Впрочемъ, я заболталась съ вами. Мнѣ вѣдь давно пора, я и такъ ужъ опоздала.

Она хотѣла, повидимому, подать руку, но раздумала и, привѣтливо кивнувъ мнѣ головою, быстро пошла въ противоположную отъ меня сторону.

— Странная какая! — вслухъ проговорилъ я и пошелъ куда глаза глядятъ, любясь и голубою половою неба наверху и красивою оригинальностью этого города.

Въ Миланѣ, куда я вернулся, былъ какой-то народный праздникъ. На другой день въ Dal - Verme, первомъ послѣ «Скалы» театрѣ, въ послѣдній разъ пѣла Миньону Ферни-Джермано. На третій и на четвертый ничего не случилось, но я какъ-то позабылъ о своемъ обѣщаніи, на пятый не вспомнилъ о немъ, а на шестой меня потянуло къ морю, въ Геную. Разстоянія тутъ короткія. Четыре съ половиною часа, и послѣ жаркаго, душнаго Милана, переваливъ Апеннины, вы дышите нѣжною и оживляющею brezza — вѣтеркомъ съ моря, ласковымъ, какъ прикосновеніе локона любимой женщины, тихимъ, какъ ея сонный лепетъ, въ которомъ вы скорѣе сердцемъ, чѣмъ ухомъ, отгадываете свое имя.

Дивно хороша была морская даль, сливавшаяся съ небомъ, такъ что смутные силуэты какихъ-то судовъ